

Лола Звонарева
Москва

В ПОИСКАХ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ: ТРОЙНОЙ ПОРТРЕТ
ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ (РИММА КАЗАКОВА,
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ, ВАЛЕРИЙ ПЕТРОЧЕНКОВ)

Диалог поэта с временем-костоломом

[...] и ломает — там, где нужно править, —
Время: не хирург, а костолом.

Римма Казакова

РИММА КАЗАКОВА...

Ее стихи, понятные и близкие, ошеломляют своей искренностью, непридуманностью. Загадочный для многих афоризм Пастернака «поэзия — в траве» для нее прост и понятен, ведь поэтесса умеет жить и ощущать себя «на уровне деревьев» (кстати, именно так назвала она в 1997 году первую часть поэтической книги *Ломка*. Да и о столь любимой поэтом траве она не забывает:

Второй этаж, конечно, низко,
зато к траве бессмертной близко¹.

Те самые сто пятьдесят миллионов, к которым обращался Маяковский, давно услышали и полюбили стихи Риммы Казаковой, может быть, потому, что она помнила о них постоянно. Недаром в ее в одном из ее стихотворений есть такая строка: «Что нам делать, озверевшим миллионам?» (с. 34).

Солнечный, жизнеутверждающий, радостный талант дал Бог Римме Казаковой. И она всегда торопилась поделиться своим ощущением

¹ Р. Казакова: *Ломка. Новая книга стихов*. Москва: Клуб реалисты 1997, с. 132 (далее ссылаюсь на это издание, указывая страницы в тексте).

гармоничного со-бытия с живым зеленым миром Природы, молчаливо сопровождающим нас, как только мы покидаем асфальтово-бетонную западню городского существования:

Мы — лес, мы — кроны,
Вы — еще кустарник, вы — ветки,
Мы — соцветья и плоды (с. 24).

Велимир Хлебников предложил в свое время формулу, весьма созвучную мироощущению Риммы Казаковой: «Мы — новый род люд-лучей. Пришли озарить вселенную»². И хотя Римма Казакова никогда не претендовала на пост Председателя Земного Шара, она нередко ощущала себя БУДЕТЛЯНКОЙ, и в ее поэтическом мире не существовало непроницаемых границ между странами:

У подножия зубчатых гор
И на штопорных улочках шахты
Я себя разглядела в упор —
Ту, по свету привыкшую шастать (с. 102).

Да, эту хлебниковскую задачу — озарить, осветить, согреть, обуютить вселенную, весь наш растерзанный (по ее же выражению) мир Римма Казакова пыталась решить с самых юных лет. Она не признавала власти ночи, вечера, тьмы. Вот уж как не близки здесь Казаковой с ее первым сборником *Встретимся на Востоке*, опубликованном в 1958 году в Хабаровске, Анна Ахматова с первой книгой стихов *Вечер* или шестнадцатилетняя Марина Цветаева с ее *Вечерним альбомом*. Но в восприятии Риммы Казаковой эти два имени вовсе не связаны с вечером: «жизнь непроста, но легенда светла, свято: Марина и Анна» (с. 45).

Николай Гумилев называл это редкое в славянской поэзии качество «радостным любованием бытием». А великий гуманист XX века Альберт Швейцер — «благоговением перед жизнью». В эпоху, когда было принято хвалить только одну, свою страну, Римма Казакова отважно воспевала «несоветские» страны и иные континенты, искусно синтезируя «поэзию дорог и разворачивающихся пространств» Бориса Пастернака с пряной экзотикой африканских циклов Николая Гумилева.

И если Ахматова, чьей лирической дерзостью мы привыкли восхищаться, шутя вспоминала предков — греческих пиратов, то Римма Казакова, дочь офицера, вдруг осознавшая, что «выглядит пиратским

² В. Хлебников: *Творения*. Общая редакция и вступ. Ст. М.Я. Полякова. Сост., подгот. текста и комментарии В.П. Григорьев, А.Е. Парнис. Москва–Санкт-Петербург: Наука 1987, с. 37.

флаг былых романтик», постоянно оказывалась волею обстоятельств лидером и воительницей. Социальный темперамент заставлял ее бороться против лжи, вероломства и несправедливости, предупреждая:

И вновь не избежать ошибок в суете,
Где бытие и быт почти неразличимы,
И чуждые не те плотней вокруг, чем те,
и лицами зовем приросшие личины (с. 56).

Неожиданными могут показаться любителям поэзии стихи Риммы Казаковой, посвященные заключенным — «В местах, не слишком отдаленных...» (с. 23). Но интуиция и здесь не подвела поэтессу: в середине 90-х годов XX века число попавших в тюрьмы, тех, кто, по словам писательницы, «смурное слово 'лагерь' на время сделали моим» (с. 234), не вписавшись в рыночную экономику, стало поистине зловещим, стремительно дорастая до уровня национального бедствия. В конце 1995 года в России в пенитенциарных учреждениях всех типов (СИЗО, тюрьмы, колонии) содержалось около 1 миллиона 150 тысяч человек (сравним, в трех европейских странах — Германия, Франция, Швеция с общим населением, равным российскому, суммарное количество заключенных — 121 100 человек)³ (3, УШ).

Разрушая условную преграду, отделяющую нас от этих оступившихся когда-то людей, поэтесса подводила читателя к пониманию того, что у каждого из нас своя неволя:

[...] за ограждением, под охраной,
в тюрьме, где их влачатся дни.
себе я не казалась странной,
совсем другою, чем они... (с. 37).

Активная по натуре, даже в любовной лирике Римма Казакова нередко выступала не в роли слабой жертвы, а в качестве отважного капитана любовного корабля:

Я над тобою проплыву —
и в дальний путь последую, —
но позову, но позову! —
с надеждою последною (с. 78).

Напряженная работа, опирающаяся на природный талант, воплотилась в два десятка книг. Решительность поэтической натуры сказалась

³ *Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве.* Москва: Права человека 1996, с. VIII.

здесь даже в названиях, где явно побеждают глаголы *Встретимся на Востоке* (1958), *В тайге не плачут* (1965), *Поверить снегу* (1967), *Помню* (1974) *Сойди с холма* (1984), *Возлюби* (1996).

Будто споря с последовательным недопризнанием профессиональной элитой таланта Риммы Казаковой, кельнский профессор Вольфганг Казак в *Лексиконе русской литературы XX века*, сдержанно оценив творчество многих ее именитых сверстников, написал:

Лирика Казаковой богата образами, отличается тщательностью в подборе слов [...]. Ее творчество определено характерными для конца 50-х годов поисками человеческой порядочности и отказом от пафоса и пропаганды. Часто это философская лирика [...] нежной проникновенностью отличается любовная лирика Казаковой [...]. Ее стихи всегда продиктованы серьезным чувством⁴.

Кстати, в том же *Лексиконе*... в статье о Валентине Распутине профессор Казак счел необходимым указать, что «в 1980 году Распутин крестился и стал защищать духовные основы жизни»⁵. По поводу Риммы Казаковой кельнский русист, очевидно, такой информацией не обладал. Иначе бы он отметил, что в апреле 1991 года в екатеринбургском храме Иоанна Крестителя отец Александр крестил благословленную на принятие этого таинства митрополитом Питиримом Римму Казакову. О необходимости же духовного возрождения через религию поэтесса стала писать уже с конца 80-х годов XX века:

[...] и знаю, за кого молиться
в своем отечестве родном...
Как ни вертись, кем ни будь,
есть только Бог и таможня...
Соткан луч, —
и пойду по нему: ближе к истине,
к людям
и к Богу...
Словно я побывала в скиту,
и была прощена.
помолившись (с. 90).

Философскую лирику Риммы Казаковой по достоинству оценил бы французский философ Анри Бергсон, из любимых идей которого выросло новое художественное видение мира. Последователями «бергсо-нианства» считали себя Пруст, Джойс, Фолкнер. Его цитирует в своих

⁴ В. Казак: *Лексикон русской литературы XX века*. Москва: РИК Культура 1996, с. 90.

⁵ Там же, с. 230.

дневниках Зинаида Гиппиус. Книгу Бергсона привез из странствий по Европе Осип Манделштам.

Интуиция — главное орудие художественного постижения жизни, основной инструмент в поэзии Риммы Казаковой. Как и для Анри Бергсона. Ключевое понятие в творчестве поэтессы — ВРЕМЯ: «О, эпоха, безнадежная эпоха», «Переломилась эпоха», «Вдруг время удивит подарком», «кончилось время анкет», «словно наркотическую ломку, время перемен переживу». В центре многих стихов — ощущения автора от дня сегодняшнего, попытка разобраться, понять, прислушиваясь к своей интуиции. День завтрашний и себя грядущую:

Раньше касалось — теперь не касается.
Так? Или мне показалось?
Крутится, тайной отравлено завистью,
тем временем, где — касалось (с. 70).

Чуткая к художественным открытиям XX века Римма Казакова в своих стихах опиралась на поэтику, разработанную поэтами Серебряного века: ее темпераменту был близок стремительный импрессионизм, где эмоция заслоняла конкретное наблюдение:

Озеро на дне — бесстрастным оком.
Ни печали в нем, ни зла, кажись (с. 67).

Поэтесса постоянно обновляла свой словарь, вводя в лирические стихи прозаичность разговорной речи («талантливая сволочь», «чертов камень», «плевать», «клянчить», «устаканиться», «беситься»), легко «вживляла» в стихотворную ткань неуклюжие научные термины («наркотическая ломка», «дебаты», «перспектива», «фактор», «капилляр», «ампутировать», «фьорды», «ландшафт») или вызывающее просторечье («сварганить», «дурь», «обормотка», «тусоваться»), смело использовала в стихах изысканную, возвышенную лексику столь любимого Михаилом Ломоносовым «высокого штиля» («речения», «отчий стан», «лоно», «тщета», «влачатся», «благосеятель»). Из этого прихотливого сплава несовместимых, на первый взгляд, речевых пластов рождалась ироничная, озорная и исповедальная лирика.

В стихах Казаковой редко встречаются цветочные эпитеты («зеленый оголец», «синиц рай», «любви фиолетовый яд»). Она относилась к ним с пушкинской осторожностью. Лишь однажды прозвучал цвет в названии ее поэтического сборника (с заметной долей иронии) — *Елки зеленые*. Интересно, что при всей публицистичности, современности, проступающей даже в заголовках стихотворений (*Выборы, Конкурс*

красоты, *Перпетуум мобиле*), поэтесса была явно равнодушна к фольклору — поэтике народной песни, лаконичности нестареющей поговорки.

Обыгрывая созвучные словечки, подобно сказителям и древнерусским скоморохам, она верила, что в словесном созвучии скрыт один из тайных смыслов слова:

Легко мы говорим, что горе не беда,
а горе есть беда на горе вправду бедным (с. 56).

Об этом качестве литературного текста, опирающегося на интуицию художника, говорил Александр Солженицын в своей нобелевской речи:

Иное влечет дальше слов, искусство растепляет даже заоложенную, затемненную душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению⁶.

До конца своих дней Римма Казакова оставалась преданным рыцарем поколения шестидесятников, защищая его от яростных нападок молодежи, которую слишком долго партийные вершители судеб держали на обочине литературного процесса. Она считала своей задачей налаживание диалога между поколениями:

Мы наглость вам простим и озверелость,
наивной непогрешности тщету.
Когда вы наконец войдете в зрелость,
еще мы будем в силе и в цвету (с. 45).

Книга стихов Риммы Казаковой *На баррикадах любви. Про самое-самое* (2002) — итоговый сборник стихов о любви, писавшийся всю жизнь. Об этом живом, ускользящем и вдруг вспыхивающем чувстве — импульсе, страсти, порыве, заставляющем каждого из читателей, внимательнее вглядываться в собственную душу и решать, что для него любовь — солнечный удар внезапной встречи, темные аллеи чувственности, томительного эротизма (по Ивану Бунину) или короткий дерзкий праздник, каникулы от скучной обыденности (по Римме Казаковой)?

Этот вопрос Римма Казакова постоянно задавала себе и читателям, волнуясь и вспоминая, смущаясь и трепеща, посмеиваясь над собою

⁶ Цит. по: А.М. Илюкович: *Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе*. Москва: Книжная палата 1992, с. 78.

и бросая вызов унылой повседневности. Но может быть этот вопрос — итог мучительных 90-х годов, ибо, когда рушатся гигантские государства, обесмысливаются прежние запреты и меняется вокруг решительно все — от идеологии до экономики, человек неизбежно остается наедине с самыми близкими — детьми, родителями, любимым. Миллионы женщин готовы и сегодня повторить вслед за поэтом, выбрасывая пеленку как белый флаг счастливого материнства:

Родился сын, пылиночка,
лобастенький, горластенький.
Горит его пеленочка —
видна во всех галактиках! (с. 89)

Душа — ключевое слово в поэзии Риммы Казаковой, столь органично вписанное в поэтическую ткань ее стихов, что нет ощущения повтора, а лишь важного, центрального лейтмотива. Это ли не важнейшее призвание подлинной Поэзии — заставлять каждого из нас задуматься о собственной душе?

Сопоставление с прославленным Нобелевским лауреатом, также в течение десятилетий писавшем о любви, само по себе — серьезное испытание. Но Римма Казакова его не замечала. Неостановимая и страстная, искренняя и порывистая (недаром восклицательный знак — любимый знак препинания поэтессы), она привыкла идти поверх барьеров. Разбивая любой лед, не дорожа собственными находками и не повторяя удач, она была неизменно устремлена в счастливое завтра, где обязательно ее лирическую героиню ждала новая Любовь, ибо без нее жизнь — тоскливое прозябанье.

При этом социальный темперамент поэтессы никогда не позволял ей замыкаться только на любовных проблемах. Ее искреннее желание, начиная с самой ранней юности, стать не просто любимой самочкой в уютном гнездышке, а состоявшейся личностью, делающей более счастливой жизнь не только любимого мужчины, но и всех вокруг. Стремление отважно приручать и обживать не квартиру, не город, не страну, а вселенную (каков размах!) проступает в таких строчках Риммы Казаковой, как «конопатая вселенная», «и шар земной звенит, как мячик, / и прогибается под ней», «мне — вызубренным текстом земля уже мала» (с. 85).

Для поэта, очевидно, не случайно избравшего в шестнадцать лет исторический факультет Ленинградского университета, легко преодолимы и расстояния, и временные преграды, если он чувствует самое главное — родство неравнодушных душ. Энергия любви делает пронцаемы-

ми любые границы, сближая самые экзотические культуры. Поэтому родными сестрами ощущала Римма Казакова и умершую несколько столетий назад средневековую узбекскую поэтессу Зебунисо, дочь шаха, писавшую на фарси, и пенджабскую поэтессу середины XX века Прабхджат Каур. Прекрасные всадницы в коннице амазонок, они вместе с русской поэтессой и спустя столетия живут в стихах и сознании читающей публики, защищая право женщины, где бы и когда она ни жила, любить, выбирать любимых и по-своему распоряжаться собственной жизнью:

И новых амазонок конница
пополнится в который раз! (с. 90).

Знарок русской поэзии XX века профессор бухарестского университета Думитру Балан в своей книге *Русская поэзия XX века* увидел в стихах Риммы Казаковой феминистские мотивы. Но феминизм Казаковой альтернативен феминизму Марии Арбатовой. Это скорее умение органично сопрягать в рамках одного стихотворения любовную и гражданскую лирику.

Поэзия Риммы Казаковой не просто музыкальна (песни на ее стихи уже несколько десятилетий поет вся Россия). В них нередко таится скрытая звукопись, убедительно подкрепляя образную сторону стихотворения. С пушкинских времен это — одна из признанных печатей Мастера в русской поэзии. Так, появляется в стихотворении «Не ходи за мной, как за школьницей...» образ вольнолюбивого скакуна — коня — мустанга, и мы словно слышим в финале этой поэтической миниатюры, как стучат по городской мостовой его звонкие подковы — так легко и естественно проходят звуки «т», «у», «к» по четырем завершающим строкам:

И когда-нибудь мне, отважась, ты
скажешь так, что пойму,
как тебе твоя сила тяжести
тяжела одному... (с. 56).

Римма Казакова брезгливо и иронично отворачивалась от пира избранных, делящих пирог славы, которого всегда не хватает на всех. У нее были иные радости и другие задачи в этом бушующем мире:

Я в мире громовых речей — смущенная заика,
с тавром неизбранности лоб среди спесивых лбов,
Я — ветер неба и земли, ликующая Ника, —
там, где в защите и любви нуждается любовь! (с. 79).

Авторитетный специалист по теории поэзии из МГУ профессор Асия Эсалнек на страницах словаря *Русские писатели XX века* утверждает, что стихи Риммы Казаковой лучше многих других:

[...] напоминают о сложности и противоречивости чувства любви (это — благо, счастье, радость и в то же время — печаль, источник горечи, драматизма, сфера противостояния личностей, неизбежных обид, страданий и борьбы), о глубине и незащищенности...⁷

Римма Казакова, стихи которой высоко ценил еще Александр Твардовский, опубликовавший их в «Новом мире», легко преодолев невидимую временную грань, шагнула в XXI столетие. Книга стихов поэтессы *На баррикадах любви* трогает свежестью, юным страстным озорством, смешливой афористичностью, умной грустноватой самоиронией. Лирическая героиня Риммы Казаковой настолько сильна духом в драматической для любой женщины ситуации, что способна поставить убийственный диагноз своему вчерашнему кумиру:

Но душа помудрела,
и она, помудревши, узрела
кратковременность лета,
краткость жизни,
мгновенность искусства
и ничтожность предмета,
что вызвал высокие чувства (с. 56).

Поэзия и любовь как условие вечной молодости — таков поэтический рецепт Риммы Казаковой. В этом убеждены и ее современники, в понимание которых так верила поэтесса Римма Казакова, не торопившаяся все договаривать:

Предоставляю многоточью
распорядиться за меня... (с. 55).

Любовная лирика Риммы Казаковой таит в себе контурную карту Великой Страны Любви, которая спрятана в душе каждого человека. Знаменательна просьба поэта:

Страна любовь, прости меня, как женщина,
за то, что мы тебе принадлежим (с. 77).

⁷ *Русские писатели XX века. Биографический словарь*. Главный редактор и составитель П.А. Николаев. Москва: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», издательство «Рандеву-АМ» 2000, с. 324.

Откликаясь на посланный автором импульс, достраиваешь и проверяешь многое в собственной душе. А это главное доказательство того, что перед нами — подлинная поэзия.

Защитник малых сих

Хорошо, когда у человека трудное, важное дело. Стыдно, если тебе легко, а твоему отцу на войне трудно⁸

Известную поговорку следовало бы переиначить: «И один в поле воин, если это — АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ». Где искать истоки лихановских побед? Только ли вятский характер, известный во всей России особой настойчивостью, последовательностью, умением добиться необходимого, желаемого. Военное детство, естественная приобщенность — через маму, бабушку, отца-фронтовика — к народным страданиям воспитали в маленьком уроженце Кирова воина и борца, стойкого оловянного солдата — из тех, кто умирает, но не сдается.

Киров, Свердловск, Новосибирск — судьба словно специально провела Альберта Лиханова по этим городам, чтобы будущий писатель почувствовал гений места, навсегда сохранив в душе любовь к русской глубинке, к Уралу и Сибири.

Немногие в нашем мире готовы идти против течения. Альберт Лиханов — из этих немногих. В эпоху, когда столичные читатели с энтузиазмом толпились на московских стадионах, рукоплещая эстрадной поэзии, красиво рифмующей либеральные истины, молодой корреспондент «Комсомольской правды» по Сибирскому региону готовил 50-томник молодой сибирской прозы, напоминая самоупоенной столице о народных бедах и традициях народной культуры, о трудном, полуголодном и неторопливом существовании, которое хорошо знакомо миллионам россиян за тысячу километров от Москвы.

Спустя полвека Лиханов и здесь победил — в мировой культуре и в благодарной памяти миллионов читателей остались, переведенные на многие языки, книги открытых им тогда всероссийской читающей общественности Валентина Распутина и Виктора Лиханосова, Владимира Санги и Олега Куваева, Вячеслава Шугаева, Владимира Чивилихина, Анатолия Приставкина.

⁸ В.А. Бахревский: *Поле жизни Альберта Лиханова*. Москва: Детство. Отрочество. Юность 2009, с. 69.

Лишь две достойных судьбы в нашей культуре показывают, что можно еще в молодые годы увидеть скрытую опасность в уютном чиновном кресле (недаром еще Фридрих Ницше предупреждал: «В мягкое кресло не садись»), незаметно разрушающем доверчиво-самоупоенного сидельца. Ушел в журнал «Смена» из аппарата ЦК комсомола перспективный и деятельный инструктор Альберт Лиханов, ушел в журнал «Литературная учеба» из престижнейшей структуры ЦК КПСС будущий известный критик, руководитель московской писательской организации, доктор наук Александр Алексеевич Михайлов.

Чиновничьи лаврам и льготам Альберт Лиханов предпочел молодежный журнал «Смена». Отважное желание оглядываться не на сильных мира сего, а на творческую молодежь, на вполне реальную смену — тех, от кого зависит завтрашняя Россия.

Еще во время работы в Кировской молодежной газете «Комсомольское племя» Альберт Лиханов открыл для себя трагический мир брошенных детей — молчаливых обитателей детских домов и интернатов, вытолкнутых на обочину успешной советской жизни.

Увиденное не забылось, а стало тайной болью, толкающей к вполне реальным делам и заботам. По инициативе писателя, журнал «Смена» стал инициатором сбора книг для детских домов — стремления вернуть ограбленным малышам хотя бы равнодушно отторгнутую от них отечественную культуру. Память о своем вятском детстве, о том времени, когда, опираясь на Книгу и Культуру, выживали и становились признанными лидерами Кировские мальчишки, заставляла молодого Альберта Лиханова бросать клич, призывая собирать книги для детских домов. Этот призыв был услышан и воплощен в реальность — детдомовская детвора получила сотни тысяч книг, а в детских домах СССР было создано 150 библиотек.

Считается, что писательство дело одинокое. Но таковы уж традиции нашей культуры, что русский писатель чувствует ответственность за малых сих, за униженных и оскорбленных, и трещина мира неизбежно проходит через его сердце. Можно десятилетиями страдать и плакать, критиковать режим и ругать власть, сваливать на больших и сильных все беды мира и несчастья наших детей, но не таков Альберт Лиханов. Да и теория малых дел Антона Павловича Чехова, столь любимая русской творческой интеллигенцией, оказалась ему не близка.

За время работы в ЦК Альберт Лиханов увидел в партийной системе инструмент, способный четко и конкретно менять условия существования сотен тысяч людей. Докладная в правительство из 45 пунктов, в которой все было подкреплено фактами и убийственными бытовыми подробностями (журналист и писатель копил и собирал их десятиле-

тиями), была подготовлена с учетом деталей детской жизни, известным только узким кругам посвященных — учителям, воспитателям, завхозам.

Опыт деятельности Альберта Лиханова доказывает, что «государственный ум» возможен даже в современных, труднейших условиях. Именно масштабность государственного мышления писателя Альберта Лиханова, сумевшего найти сторонников своих благородных идей среди влиятельных людей мира сего, помогла сдвинуть монументальные цековские и министерские структуры.

Самые разные области детской жизни — здоровье, творческий потенциал, необходимость популяризации среди детдомовцев самой идеи чтения русской детской литературы, православное воспитание — все это учтено в четко разработанной и организованной системе российского детского фонда, облечено в плоть программ, которые можно контролировать и продвигать.

Возьмем только одну область — детское чтение. Даже литераторы любят лицемерно сетовать, что у нас нет хорошей литературы для подростков. Альберт Лиханов легко доказывает всем этим скептикам обратное.

Десятки выпусков издаваемого уже более десяти лет Российским детским фондом журнала «Путеводная звезда» — это созвездие талантливых людей, пишущих и писавших для подростков, с блистательными текстами на самые разные темы. А если подросток захочет узнать о творчестве своих талантливых ровесников — его ожидает сюрприз: «журнал в журнале» «Большая перемена», где стихи и проза, очерки и заметки написаны его одаренными сверстниками из разных городов России.

Как приблизить маленького человека к Богу, помочь ему обрести идеал, систему ценностей в наполненном соблазнами и нечистотами взрослом мире? Дать ему в руки журнал «Божий мир», читателям которого ненавязчиво и деликатно открывается и самоотверженная деятельность русских православных подвижников, и история великих монастырей и икон, и сегодняшнее бытие монастырских приютов и обителей, и рассказы о русских художниках, сохранивших верность христианскому идеалу в творчестве, и совершенство божьих сознаний — братьев наших меньших.

А как современному педагогу соединить в своем сознании весь комплекс проблем сегодняшнего детства, не разбивая их на куски, фрагменты и области? Читать постоянно другой журнал РДФ — «Дитя человеческое».

Еще опыт славянофила Федора Тютчева, прожившего больше двадцати лет в Европе, призывал оглядываясь на Европу, что славянским

народам следует учитывать европейский менталитет и зарубежный контекст, когда они решают свои проблемы. Недаром Альберт Лиханов с соратниками восстановил из руин родовую усадьбу Тютчева. Здесь теперь находится не только офис РДФ, но и редакция журнала «Зарубежный роман», знакомящего современного подростка (а порой и его семью — и учителей, воспитателей) с образцами европейской и американской прозы.

Умение находить соратников — организационный талант — раскроется у Альберта Лиханова уже в зрелые годы жизни, когда именно это качество поможет ему сохранить, несмотря на разрушение советского государства, уникальную структуру детского фонда, имеющего больше семи десятков отделений в разных регионах России, создать Международную ассоциацию детских фондов.

Известные врачи, учителя, библиотекари, знаменитые ученые, актеры, художники — их всех смог сплотить писатель Альберт Лиханов. Многие из тех, кто добился в своей профессии наибольших успехов, вошли в попечительский совет фонда.

Но вспомним еще одну горькую цифру — сегодняшняя статистика говорит о том, что выросло поколение детей, никогда не бывавших в театрах. Альберт Лиханов и эту отчужденность от большой культуры считает важной и решаемой детской проблемой.

Уже двадцать три года подряд 1 июня — в день защиты детей — благодаря РДФ 11 тысяч детдомовских детей из разных городов России и СНГ приходят бесплатно в пятнадцать лучших московских театров, чтобы приобщиться к отечественной и европейской классике, а затем вместе с учителями и воспитателями бесплатно пообедать в лучших столичных ресторанах.

И все-таки несколько областей детской жизни оказались в приоритете. Детские библиотекари — самые самоотверженные и самые уязвимые. О них — повесть Альберта Лиханова *Детская библиотека* с символическим финалом: нередко, когда, не отвлекаясь ни на что вокруг, спасаешь чужих детей, погибает твой родной, единственный внук.

Конкурсы, премии детским библиотекарям, тепляшинская — учителям младших классов, филатовская — детским врачам-педиатрам, ежегодные библиотечные чтения... Альберт Лиханов стал первым в стране писателем, которого с библиотекарями связала напряженная совместная деятельность, в результате чего выигрывают все, а главное, — юные читатели из самых отдаленных сельских районов Белгородской и Кировской областей.

Желтым страницам бульварной прессы, муссирующим новости светских тусовок, любовные интриги поп-звезд, Альберт Лиханов противопоставил

свой личный телепроект «Уроки нравственности» — телебеседы о культуре и жизни, о самом главном с реальными авторитетами и лидерами в музыке, живописи, хирургии, литературе, в православной церкви.

Когда советская педагогическая наука, лишенная идеологических подпорок, стала переживать кризис, Альберт Лиханов предложил оригинальную концепцию экологии детства в уникальных монографиях *Драматическая педагогика* и *Преддетство*, за которые был отмечен в педагогических кругах высоким титулом академика РАО.

Кажется, что вся эта напряженная деятельность не оставляет ни минуты для творческого труда. Но Альберт Лиханов не раз уже признавался: раньше творчество давало импульс к созданию фонда, решению в реальности детских проблем. Сегодня председатель РДФ получает сотни писем от детдомовских детей, на его столе лежат десятки личных дел, каждое из которых — история большой беды или подлинного несчастья маленького человека.

Эти детские судьбы, не услышанный плач малышей и подростков, против которых будто идет в государстве необъявленная война, заставляют Альберта Лиханова братья за перо и писать романы и повести, читая которые, невозможно сдержать слезы.

Уже в названиях этих произведений — образ-символ, клеймящий бессердечное сообщество взрослых, предавших своих детей. Роман *Никто* — безымянными и несуществующими для успешных и равнодушных людей стали сотни тысяч детей, запертых сегодня в детских домах и интернатах, чтобы завтра стать заключенными, пациентами психбольниц или бомжами. Роман *Сломанная кукла* — о бедах детей из новых русских семей, запертых в золотую клетку и подвергающихся в квартирах с евроремонтом такому же жестокому насилию, что и интернатские бедолаги.

Словно бросая вызов любителям гендерных разделений, Альберт Лиханов обратился к жанру двойного портрета: повесть *Мальчик, которому не больно* — о мальчике-инвалиде, каких в современной России сотни тысяч и о них тоже принято забывать, дополнена повестью *Девочка, которой все равно*. Ее героиня — пережившая насилие малышка, а таких детей в прошлом году в России было более ста тысяч (эту страшную статистику привел в своем докладе президент).

Сегодня голос писателя слышен во всем мире — в приложении к выходящей в Нью-Йорке газете «Русская Америка» переизданы повести Альберта Лиханова *Мальчик, которому не больно* и *Девочка, которой все равно*. В Гданьском университете летом 2010 года прошел круглый стол, посвященный творчеству писателя, с участием ученых и писателей из семи стран. Презентации 15-томного собрания сочинений Аль-

берта Лиханова, вышедшего в 2010 году к 75-летию писателя, прошли не только в Кирове, Калининграде, Белграде, Москве, Архангельске, Березниках Пермской области, но и в Вене, Братиславе, Париже.

...Когда-то живший в Вятке Александр Герцен так сформулировал отечественное писательское кредо: «Мы не врачи, мы — боль». Альберт Лиханов всей своей деятельностью энергично возразил авторитетному классику: в XX веке и начале XXI можно не только писать историю болезни (как это делают тысячи хороших русских писателей), но и пытаться вылечить ее, опираясь на равнодушных людей и достойных соратников. Просто для этого необходимо посвятить решению не решаемых государством проблем всю свою жизнь, душу, время... И Альберт Лиханов это сделал.

Петербургское небо Валерия Петроченкова

Наклонись над высоким челом
Петербургское сирое небо...⁹

Поэт ВАЛЕРИЙ ПЕТРОЧЕНКОВ умеет увидеть петербургское небо даже в Вашингтоне, где он живет последние тридцать лет. И если, попав в эмиграцию, прозаик Сергей Довлатов или поэт и коллекционер Михаил Юпп быстро стали русскими американцами, то столь значительное перемещение в пространстве ничего не изменило в философии и мироощущении поэта, прозаика и литературоведа Валерия Петроченкова. И в Петербурге, и в Пскове, и в США он продолжает оставаться русским европейцем тургеневского типа. Неслучайно среди героев петроченковского стихотворения *Рождество в Баден-Бадене* появляется колоритная фигура седого русского классика и его музы — французской певицы Полины Виардо.

Ощутимо звучит в стихах Петроченкова мотив «верности избранным камням» — очевидно, древним камням Европы, о которых с восторгом писал еще один знаменитый петербуржец — Федор Михайлович Достоевский.

Петербургец до мозга костей, Валерий Васильевич всем другим приемам составления поэтического избранного явно предпочитает проверенный временем и историей поэзии ахматовский принцип — циклического возвращения к пережитому: на знаменитый сборник *Из шести книг* Анны Андреевны, увидевший свет 70 лет назад в 1940

⁹ В.В. Петроченков: *Экслибрис. Стихи из 7 книг*. Москва: Нонпарел 2010, с. 69.

году, он отвечает своим избранным, подготовленным в 2010 году к семидесятилетнему юбилею автора, — *Из семи книг*.

Не для каждого жизнь и творчество начинается с осени. Но недаром осень была любимым временем года великого петербуржца Александра Пушкина. А также для нашего современника — колумбийца Гарсии Габриэля Маркеса, в *Осени патриарха* запечатлевшего политическую и нравственную драму своей родины. Валерий Петрович постоянно ощущает себя в координатах мировой культуры и Большого Исторического Времени: то, что произошло с миром и Россией в конце XIX–XX столетиях он определяет как *Осень века*.

В заглавиях многих стихотворений автор выносит знаковые для отечественного интеллигента XX века имена — Брейгель, Офелия, Жанна д'Арк, Карл Росси и — конечно же! — «Санкт-Петербург».

Лейтмотивом поэзии Петровича стал образ Петербурга в разные эпохи и времена. Петрович окликает в стихах близкие ему европейские культуры — польскую (стихотворение *Осень в Польше*) и итальянскую (стихотворение *Италия*).

Автор сознательно не ставит дагы под стихами: стихотворение живет собственной жизнью в европейском культурном поле, переключаясь со всем происходящим как в истории, так и в дне сегодняшнем.

Во многих стихах поэт создает своеобразные дуэты лирического героя с покинутыми им, но живущими в памяти европейскими городами (Петербургом, Парижем, Римом, Москвой) и конкретными знаковыми местами, хранящими память о правителях (молодом Петре I, императрице Екатерине II и ее фаворитах, убиенном Павле I и творцах (протопопе Аввакуме, Гоголе, Чехове, Брейгеле, Руссо, Пирсони, Нестерове, Карло Растрелли, Михаиле Шемякине), чьи произведения прихотливо рифмуются друг с другом, легко преодолевая временные и пространственные преграды.

Уже в самом заглавии последней поэтической книги писателя — *Экслибрис* — подчеркнута осознанная ориентация автора на книжное знание, библиотечные тома, созданные в разные эпохи классиками, гигантами духа, на плечах которых стоит мировая культура. Взгляд поэта устремлен сквозь толщу веков: в марте 1801 года ищет он отгадку нынешнего политического нестроения в России: в стихах Валерия Петровича появляется мощный образ «безвременья тугого колеса».

Поэт часто возвращается к святым для каждого русского человека местам — Саров, Радонеж, Екатеринбург, Изборск, Васильевский остров... В символическую бездну времени (не о ней ли писала Цветаева: «О сколько их упало в эту бездну?») проваливаются дорогие автору люди. Силой своего воображения и энергией таланта он стремится

сохранить их живыми в своих стихах. Святые старцы и великие поэты составляют для Валерия Петровича соль нации.

От питерских акмеистов унаследовал Валерий Петрович редкое умение органично вживлять в текст бытовую деталь («Когда по утрам поедаю Кириллову кашу...»). Кроме того, для поэта важно возвращать в современный русский язык старинные русские словечки. Валерий Петрович явно склонен также и к созданию собственных неологизмов. Он подчеркивает связь своей поэзии с живой стихией современного русского языка — легко и органично входят в поэтическую ткань придуманные им слова «дуракавалянье», «отторопившись», «залжепророчиться», «белоночь».

Особый привкус элегантно старомодности придают стихам Валерия Петровича изредка включаемые автором в текст устаревшие словечки вроде «зеницы», «тать», «радение», «ни зги», «невидаль», «морок», «блажь», «стряпуха». Не сторонится Валерий Васильевич и просторечья, демонстрируя, как чутко языковая стихия реагирует на социальное торжество того, кого сто лет назад философствующий петербуржец Дмитрий Сергеевич Мережковский пророчески назвал «грядущим хамом» («пялит», «взашей», «приблудную», «поедом», «опостылевши», «ейный», «ухажер», «лабуда», «лапша на уши»).

Свободно соединяя в своих стихах различные языковые пласты, поэт умеет добиться изысканной звукописи, обилия внутренних рифм и созвучий, когда один и тот же слог легко проходит через несколько строк, придавая им особую музыкальность.

Любимые герои Петровича — рыцари духа, отважные борцы, не боявшиеся бросать вызов власти и шагнувшие в историю мировой культуры, несмотря на анафемы и тюрьмы, обрушиваемые на них сильными мира сего — соловецкие монахи (*Соловецкое сидение*), Лев Толстой (*Дневники Толстого*), Варлам Шаламов (*Памяти Варлама Шаламова*).

Органично чувствует себя лирический герой поэзии Валерия Петровича в рамках христианской системы координат. В этом разделе постоянно упоминаются Господь, Божий Глас, Святая Дева, Ветхий Адам, апостол Иоанн... Валерий Васильевич — один из немногих воцерковленных интеллигентов советской эпохи. Он не только некоторое время жил в Псково-Печерском монастыре (как и его петербургские друзья художник Михаил Шемякин и поэт Михаил Юпп), но и был секретарем настоятеля — легендарного отца Алипия.

И все же ключевые понятия этой части — Книга и Град. Недаром усердный виршеписец Симеон Полоцкий был убежден, что «Мир есть книга». Словно развивая эту мысль, Валерий Петрович пишет:

Деревья стоят, как церемонные ветхие вирши,
шевелия силлабическими губами¹⁰.

Ученые считают иеромонаха Симеона Полоцкого первым настоящим поэтом-урбанистом среди восточнославянских стихотворцев Нового времени. Противоречивая стихия современного русского города, судя по стихам из цикла *Вирши*, волнует и Валерия Петровича.

Каждый город в сознании автора связан с тем или иным «гением места» — остров Тилман, Юсуповский сад, Петербург, Александрия, Псков, Кенигсберг. Михаилу Шемякину, чье детство прошло в послевоенном Кенигсберге, посвящено стихотворение *Кёнигсград*. Для художника, как и для его друга писателя, этот древний город, недавно отпраздновавший тысячелетний юбилей, наполнен тенями великих — Канта, прусского короля Фридриха, Гофмана...

Другой любимый образ поэта — образ Сада, небесного и земного вертоградов: цикл *Сады*, стихотворение *Вам этот сад напомнит не Эдем...* Как известно, еще один великий петербуржец — академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — посвятил поэтике сада в европейской культуре целую монографию. *Вертоград многоцветный* — название энциклопедического сборника виршей Симеона Полоцкого (1629–1680), первой философско-культурологической энциклопедии в стихах в истории восточнославянской литературы. А лучшее в мировой медиэвистике исследование *Вертограда* принадлежит перу петербургского профессора Игоря Петровича Еремина, о котором с благодарностью и восхищением пишет памятный бывший студент Петровичев в стихотворении *Петербургский университет*.

Сад в восприятии Валерия Петровича — это благородное единство культурного и природного начал. Причем природа изначально умнее человека, ибо, как афористично заметил поэт:

[...] природа — единственный гений,
сумевший бессмертье сберечь¹¹.

В петровичевских стихах обнаруживаем оригинальный бестиарий. Здесь нередко звучит «птичий гомон» («грай ворон»), возникают образы лебедей, совы, «гусей крутобокие бусы», глухаря, кулика, «золотых журавлей», коршуна, курицы, попки-попугая). Для поэта птицы на-

¹⁰ Там же, с. 65.

¹¹ Там же, с. 95.

прямую ассоциируются с духом леса, его сокровенными тайнами: «то не птицы летят, отлетает лесная душа».

Образ птицы в европейской культуре устойчиво связан с образом поэта. Еще в сказке *Соловей* Андерсена живой соловей стал символом целебной силы подлинного искусства, в одной из своих басен Иван Крылов изобразил Александра Пушкина в виде соловья, посаженного в клетку, птицы — постоянные герои стихов ленинградцев-обериутов Даниила Хармса и Александра Введенского. Не поэтому даже их любимый журнал получил название «ЧИЖ»?

Да, большая часть пернатых, четвероногих и чешуйчатых героев этого писателя имеет близких родственников в русской и мировой литературе. Кони и лошади, встречающиеся во многих стихах Петроченкова, явно сродни гоголевской тройке, что несется по Руси в финале поэмы *Мертвые души*. Карась из другого стихотворения — почти наверняка идеалист из одноименной сказки Михаила Салтыкова-Щедрина. Главная героиня программного для автора стихотворения *Ворона* — родная сестра знаменитого древнего ворона, воспетого Эдгаром По, и простодушной вороны из знакомой с детства басни Крылова *Ворона и лисица*.

Седьмой, заключительный, самый трагический по настроению раздел книги — *Мета*. Его составили циклы философской лирики: размышления знающего цену различным возрастам и эпохам человеческого бытия в этом мире автора о жизни и смерти, о Рае и Аиде, о том, что оставляет каждый из нас после себя на земле, возможно ли противостоять вселенской энтропии, превращающей все живое в тлен:

Где прошел человек — остается невидимый прочерк:
не имен, не примет, не поступков, не взглядов, не лиц...¹²

И лишь невидимая мета любви и таланта, по мнению поэта, в силах помочь каждому из нас задержаться на этом свете:

Промелькнет силуэт у заученных слов на примете.
Вздрыгнет чье-то плечо под ласкающей нежно рукой.
Вот и вся недолга, и иного не сыщешь на свете,
где разлит без границ усыпляющий вечный покой¹³.

...Еще один великий петербуржец — находившийся тогда, подобно автору этой книги в эмиграции — художник Иван Яковлевич Билибин писал в 1922 году из Каира: в литературе есть всего «два течения — воз-

¹² Там же, с. 12.

¹³ Там же.

вышающее и растлевающее душу»¹⁴. Поэзия Валерия Петровича души читателей возвышает и просветляет.

* * *

Кажется, трудно найти более далеких друг от друга писателей, чем Римма Казакова, Альберт Лиханов и Валерий Петрович. Но это люди одного поколения, пережившие трудное военное детство, провожавшие отцов на фронт. Знаковым можно считать их возвращение к христианским ценностям, что легко прочитывается в их книгах последних лет. Особое внимание к малым сим: подвижническое служение обездоленному эпохой Детству у Лиханова, трогательная забота о сотнях молодых писателей Казаковой и многолетнее преподавание за университетской кафедрой Петровича — еще одна грань близости, заставляющая вспомнить, что юность Казаковой и Петровича прошла в Ленинграде, а главная героиня повести Лиханова *Детская библиотека* — бывшая балерина, спасавшая в войну в Кирове детские души при помощи хороших книг, — родом из того же города, ставшего для совсем юного писателя образом-символом великих традиций русской культуры.

Lola Zwonariowa

W POSZUKIWANIU WSPÓLNYCH WARTOŚCI :
 POTRÓJNY PORTRET SZESTDZIESIATNIKÓW
 (RIMMA KAZAKOWA, ALBERT LICHANOW, WALERY PIETROCZENKOW)

Streszczenie

Tematem artykułu jest twórczość trzech literatów, którzy debiutowali w latach 60. minionego stulecia: jeden z nich to prozaik, autor utworów dla dzieci i młodzieży (Albert Lichanow), dwaj pozostali to poeci. Autorka omawia zarówno ich twórczość, jak losy – Rimma Kazakowa niedawno zmarła, Pietroczenkow emigrował trzydzieści temu i mieszka w Waszyngtonie, zaś Lichanow organizuje na szeroką skalę pomoc dzieciom.

Rimma Kazakowa kontynuowała tradycje poezji Srebrnego Wieku. Swą poetyką nawiązywała do impresjonizmu. Uprawiała lirykę filozoficzną i miłosną, ocenianą jako feministyczna. Jej utwory określają charakterystyczne dla końca lat 50. poszukiwania etyczne oraz negacja patosu i propagandy.

Alberta Lichanowa nazywa autorka artykułu człowiekiem, który zawsze płynął pod prąd. Jako dziennikarz pisał od lat 60. o problemach dzieci i wychowania, obecnie zaś popularyzuje w Rosji czytelnictwo, pisze naukowe prace z zakresu pedagogiki, zakłada czasopisma dla dzieci, poświęca najmłodszym swe powieści i opowiadania (np. *Nikt, Polamana lalka*).

¹⁴ И.Я. Билибин в Египте (1920–1925): Письма, документы и материалы. Сост., предисл. и примеч. В.В.Беляков. Москва: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына–Русский путь 2009, с. 23.

Lichanow jest zwolennikiem wartości etycznych w znacznym stopniu kształtowanych dziś przez cerkiew prawosławną.

Poeta Walery Pietroczenkow swą twórczość poświęca Rosji i jej kulturze, a przede wszystkim Petersburgowi — swemu rodzinnemu miastu. Jego poezja nawiązuje do tradycyjnych obrazów kultury i historii rosyjskiej i światowej, jej bohaterowie to ludzie silni, sprzeciwiający się złu — „święci starcy” cerkwi prawosławnej i wielcy twórcy literatury.

Trójkę prezentowanych twórców (mniej znanych szestidiesiatników) łączy humanistyczny i etyczny wymiar ich pisarstwa, wartości chrześcijańskie, ku którym zmiierzali przez lata.

Lola Zwonariowa

IN SEARCH OF COMMON VALUES: THE TRIPLE PORTRAIT
OF SHESTIDIESATNIKI
(RIMMA KAZAKOVA, ALBERT LIKHANOV, VALERY PIETROCHENKOV)

Summary

The subject of this paper is the oeuvre of three writers, who debuted in the sixties of the previous century. One of them is a prose writer, the author of books for children and teenagers (Albert Likhanov), remaining two are poets.

The author of this paper discusses their oeuvre as well as their lives. Rimma Kazakova died not so long time ago, Pietrochenkov has emigrated thirty years ago and now he lives in Washington, while Likhanov organizes help for children on a large scale.

Rimma Kazakova continued the tradition of the Silver Age. Her poetics referred to the impressionism. She cultivated the poetry of philosophy and love, judged by many as feminist. Her works define, peculiar to the end of fifties, ethical quests as well as negation of pathos and propaganda.

The author calls Albert Likhanov a man who always swam against the tide. Since the sixties, as a journalist he wrote about children and education's problems. Currently he popularizes reading in Russia, writes scholarly works in the field of pedagogy, sets up journals for children, and devotes to the youngest his novels and short stories (e.g. *Nobody*, *Broken Doll*). Likhanov is the supporter of ethical values to a large extent shaped by the Eastern Orthodox Church.

The poet Valery Pietrochenkov devotes his works to Russia and its culture, first of all to the Petersburg — his home town. His poetry refers to traditional pictures of Russian and world-wide culture and history. His heroes are strong people who stand against the evil — „saint old men” of the Orthodox Church, and great literary authors.

The three of presented authors (less known “shestidiesatniki”) connect humanistic and ethical dimension of their writing and Christian values to which they headed for many years.